

АНАТОЛИЙ
РЫБАКОВ

Дети Арбата
Книга первая

МОСКВА
2024

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

АНАТОЛИЙ
РЫБАКОВ

Дети Арбата
Книга первая

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р93

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Рыбаков, Анатолий Наумович.
Р93 Дети Арбата. Книга первая / Анатолий Рыбаков. —
Москва : Эксмо, 2026. — 672 с. — (Всемирная литература
(с картинкой)).

ISBN 978-5-04-199764-9

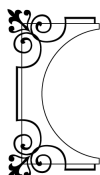
Поколение 1930-х годов. Какое оно и как его понять? Что его волнует и чем оно живет? Роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» — это книга-путеводитель, которая показывает все грани московской жизни. Совершенно разные картины смешиваются между собой — то читатель встречает на страницах молодежь, живущую в коммунальных квартирах, то людей у власти, то руководителей научных учреждений среди институтских аудиторий.

Эта книга о непростых судьбах поколения, живущего во времена правления Сталина. Отпечаток времени остался всюду — в духовном мире людей, в их характерах и семьях.

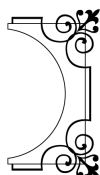
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199764-9

© Рыбаков А.Н., наследники, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Самый большой дом на Арбате — между Никольским и Денежным переулками, теперь они называются Плотников переулком и улица Веснина. Три восьмиэтажных корпуса тесно стоят один за другим, фасад первого выложен белой глазурованной плиткой. Висят таблички: «Ажурная строчка», «Отучение от заикания», «Венерические и мочеполовые болезни»... Низкие арочные проезды, обитые по углам листовым железом, соединяют два глубоких темных двора.

Саша Панкратов вышел из дома и повернул налево — к Смоленской площади. У кино «Арбатский Арс» уже прохаживались парами девочки, арбатские девочки и дорогомиловские, и девочки с Плющихи, воротники пальто небрежно приподняты, накрашены губы, загнуты ресницы, глаза выжидающие, на шее цветная косынка — осенний арбатский шик. Кончился сеанс, зрителей выпускали через двор, толпа выдавливалась на улицу через узкие ворота, где весело толкалась стайка подростков — извечные владельцы этих мест.

Арбат кончал свой день. По мостовой, заасфальтированной в проезжей части, но еще булыжной между трамвайными путями, катили, обгоняя старые пролетки, первые советские автомобили «ГАЗ» и «АМО». Трамваи выходили из парка с одним, а то и двумя прицепными вагонами — безнадежная попытка удовлетворить транспортные нужды великого города. А под землей уже прокладывали первую

очередь метро, и на Смоленской площади над шахтой торчала деревянная вышка.

Катя ждала Сашу на Девичьем поле, у клуба завода «Качучук», скуластая сероглазая степная девчонка в свитере из толстой деревенской шерсти. От нее пахло вином.

— Выпили с девчатами красного. А тебе праздника нет?

— Какой праздник?

— Какой... Покров.

— А...

— Вот тебе и «а»...

— Куда пойдем?

— Куда... К подруге.

— Что взять?

— Закуска там есть. Купи водки.

По Большому Саввинскому переулку, мимо старых рабочих казарм, откуда слышались пьяные голоса, нестройное пение, звуки гармоник и патефона, потом по узкому проходу между деревянными фабричными заборами они спустились на набережную. Слева — широкие окна фабрик Свердлова и Ливерса, справа — Москва-река, впереди — стены Новодевичьего монастыря и металлические переплеты моста Окружной железной дороги, за ними болота и луга, Кочки и Лужники...

— Ты куда меня ведешь? — спросил Саша.

— Куда, куда... Иди, нищему деревня не крюк.

Он обнял ее за плечи, она попыталась сбросить его руку.

— Потерпишь.

Саша крепче сжал ее плечо.

— Не бунтуй.

Четырехэтажный неоштукатуренный дом стоял на отшибе. Они прошли по длинному коридору, слабо освещенному, с бесчисленными дверьми по сторонам. Перед последней дверью Катя сказала:

— У Маруси друг... Ты ничего не спрашивай.

На диване, лицом к стене, спал мужчина, у окна сидели мальчик и девочка лет по десяти-одиннадцати, они

оглянулись на дверь, поздоровались с Катей. У кухонного столика в углу комнаты, рядом с рукомойником, возилась маленькая женщина, много старше Кати, с миловидным добрым лицом. Это и была Маруся.

— А мы заждались, думали, не придете, — сказала она, вытирая руки и снимая фартук, — думали, загуляли где... Вставайте, Василий Петрович, гости пришли.

Мужчина поднялся, худой, хмурый, пригладил редкие волосы, провел ладонью по лицу, стоня сон. Воротничок его рубашки примялся, узел галстука был опущен.

— Пироги засохли, — Маруся сняла полотенце с лежавших на столе пирогов из ржаной муки. — Этот с соей, этот с картошкой, а тот с капустой. Тома, подай тарелки.

Девочка поставила на стол тарелки. Катя сняла жакет, достала из буфета ножи и вилки, сразу стала накрывать на стол, знала, где что лежит, видно, бывала тут не раз.

— В комнате убери! — приказала она Марусе.

— Заспались после обеда, — оправдывалась та, снимая со стульев одежду, — и ребята бумагу нарезали, подбери бумагу, Витя.

Ползая по полу, мальчик собрал обрезки бумаги.

Василий Петрович умылся под умывальником, подтянул галстук.

Маруся отрезала ребятам по куску от каждого пирога и поставила на окно.

— Ешьте!

Василий Петрович разлил водку.

— С праздником!

— Под столом встретимся! — Катя посмотрела на всех, кроме Саши. Она в первый раз привела его к своим знакомым, пила здесь водку, а с ним пила только красное вино.

— Какого черноглазого себе отхватила! — весело проговорила Маруся, кивая на Сашу.

— Черноглазого и кудрявого, — усмехнулась Катя.

— В молодости волосы вьются, в старости секутся, — объявил Василий Петрович и снова взялся за бутылку. Те-

перь он не казался Саше хмурым, в его разговорчивости было желание поддержать знакомство. И Маруся глядела на них ласково, понимающе.

Саше было приятно Марусино покровительство, нравился этот дом на окраине, песня и гармошка за стеной.

— Что же вы не едите? — спросила Маруся.

— Ем, спасибо, вкусные пироги.

— Было бы из чего, не такие бы испекла — дрожжей и тех не достанешь. Спасибо, Василий Петрович принес.

Василий Петрович сказал что-то серьезное по поводу дрожжей.

Ребята попросили еще пирога.

Маруся снова отрезала им по куску.

— Думаете, для вас одних наготовлено?! Кончилась ваша гулянка, умывайтесь!

Она собрала их постели и понесла из комнаты, к соседке.

Дети ушли спать. Потом собрался и Василий Петрович. Маруся пошла его провожать. Уходя, сказала Кате:

— Чистую простыню в шкафу возьми.

— Зачем он ей нужен? — спросил Саша, когда за Марусей закрылась дверь.

— Муж бегаёт от алиментов, ищи его, жить-то надо.

— При детях?

— Голодными лучше сидеть?

— Старый он.

— И она не молодая.

— Что же не женится?

Она исподлобья посмотрела на него.

— А ты на мне чего не женишься?

— Тебе замуж хочется?

— Хочется... Ладно! Давай спать ложиться.

И это было необычно. Каждый раз ему приходилось добиваться ее так, будто они встречаются впервые, а сегодня сама стелет постель, раздевается. Только сказала:

— Свет потуши.

Потом перебирала пальцами его волосы...

— Сильный ты, любят тебя, наверно, девки, только неосторожный, — она наклонилась над ним, заглянула в глаза, — рожу тебе черноглазенького, не боишься?

Рано или поздно это должно было случиться. Ну что ж, сделает аборт, ребенок не нужен ни ему, ни ей.

— Ты беременна?

Она уткнулась головой в его плечо, прижалась к нему, будто искала защиты от несчастий и невзгод своей жизни.

Что он знает о ней? Где она живет? У тетки? В общении? Снимает угол? Аборт! Что скажет она дома, какой бюллетень предъявит на работе? А вдруг пропустила сроки? Куда денется с ребенком?

— Если попалась, рожай, поженимся.

Не поднимая головы, она спросила:

— А как малого назовем?

— Решим, времени много.

Она опять засмеялась, отодвинулась от него.

— Не женишься ты, да и не пойду я за тебя. Тебе сколько? Двадцать два? Я и то старше тебя. Ты образованный, а я? Шесть классов... Выйду, только не за тебя.

— За кого же? Интересно.

— Интересно... Парень один, наш, деревенский.

— Где он?

— Где, где... На Урале, приедет и заберет меня.

— Кто он?

— Кто... Механик.

— Ты давно его знаешь?

— Сказала ведь, с одной деревни.

— Что же он до сих пор на тебе не женился?

— Не перебесился, вот и не женился.

— А теперь перебесился?

— Теперь ему уже тридцать. У него знаешь какие бабы были...

— Ты его любишь?

— Ну, люблю...

— А почему со мной встречаешься?
— Почему да почему... Мне тоже жить хочется. Допрашивает, как в милиции, ну тебя!
— Когда же он приезжает?
— Завтра.
— И мы с тобой больше не увидимся?
— На свадьбу позвать?.. Он здоровый, стукнет, и нет тебя.
— Это еще посмотрим.
— Ох, ох...
— Но ведь ты беременна.
— Кто сказал?
— Ты сказала.
— Ничего я тебе не говорила. Сам придумал.
В дверь тихонько постучали. Катя открыла Марусе, снова легла.
— Проводила, — Маруся зажгла свет, — чай пить будете?
Саша потянулся за брюками.
— Чего вы? — сказала Маруся. — Не беспокойтесь.
— Он стеснительный, — усмехнулась Катя, — стесняется гулять со мной, жениться хочет.
— Жениться недолго, — сказала Маруся, — и развестись недолго.
Саша налил в стакан остатки водки, закусил пирогом. В общем-то, он должен быть благодарен Кате за то, что все так благополучно кончилось. Механик этот, наверно, и вправду есть, но не в нем, в сущности, дело. Дело в том, что она опять дразнит его, а он раскис, дурачок. Саша поднялся.
— Ты куда? — спросила Катя.
— Домой.
— Что вы, честное слово, — забеспокоилась Маруся, — спите, утром поедете, а я у соседей переночую, никому не мешаете.
— Надо идти.
Катя смотрела хмуро.

- Дорогу найдешь?
- Не заблужусь.
- Она притянула его к себе.
- Останься.
- Пойду. Счастливо тебе.

Хорошая все-таки девчонка! Жаль, конечно. И, если она не позвонит, они никогда больше не увидятся: адреса он не знает, не дает она адреса — «Тетка заругает», даже не говорит, на какой фабрике работает — «Будешь возле проходной отсвечивать».

Раньше она изредка звонила ему из автомата, они шли в кино или в парк, потом уходили в глубину Нескучного сада. Белели под луной парусиновые шезлонги, Катя отворачивалась. «Чего придумал... Вот пристал тоже...» А потом приникала к нему, губы сухие, обветренные, перебирала шершавыми руками его волосы.

— Я тебя первый раз за цыгана приняла. Возле нашей деревни цыгане стояли, такие же черные. Только кожа у тебя гладкая.

Летом, когда мама была у сестры на даче, она приходила к нему, глаза сердитые, стеснялась сидевших у подъезда женщин. «Пялят зенки. Больше в жизни не придут».

Позвонив, обычно молчала, потом вешала трубку, звонила опять...

- Катя, ты?
- Ну, я...
- Что же не отвечала?
- И не звонила даже...
- Встретимся?
- Где это мы встретимся?..
- Возле парка?
- Придумал... На Девичку приезжай.
- В шесть, в семь?
- Побегу я в шесть...

Все это Саша вспоминал теперь, ждал ее звонка. На следующий день он хотел побыстрее вернуться из института

домой — вдруг позвонит. Но остался делать стенную газету к Октябрьским праздникам. А потом его вызвали на заседание партбюро.

Свободных мест у двери не было. Саша протиснулся между сдвинутыми рядами стульев, задевая тесно сидящих людей, вызвав недовольный взгляд Баулина, секретаря партбюро, русоволосого крепыша с округлым, простым, упрямым лицом, с широкой грудью, выпирающей под синей сатиновой косовороткой, застегнутой на короткой шее двумя белыми пуговичками. Проследив, как Саша уселся в углу, Баулин снова повернулся к Криворучко.

— Это вы, Криворучко, сорвали строительство общежитий. Объективные причины никого не интересуют! Фонды переброшены на ударные стройки? Вы отвечаете не за Магнитку, а за институт. Почему не предупредили, что сроки нереальны? Ах, сроки реальны... Почему не выполнены? Вы двадцать лет в партии?.. За прошлые заслуги в ножки поклонимся, а за ошибки будем бить.

Баулинский тон удивил Сашу. Заместителя директора Криворучко студенты побаивались. В институте поговаривали о его знаменитой военной биографии: до сих пор носит гимнастерку, галифе и сапоги. Этот сутулый человек с длинным унылым носом, с мешками под глазами никогда ни с кем не вступал в разговоры, даже на приветствия обычно отвечал только кивком головы.

Криворучко опирался рукой на спинку стула, Саша видел, как дрожат у него пальцы. Слабость в человеке, всегда таком грозном, выглядела жалкой. Но материалов для стройки действительно не давали. А сейчас никто не хочет об этом думать. Только Янсон, декан Сашиного факультета, невозмутимый латыш, обращаясь к директору института Глинской, примирительно сказал:

— Может быть, дать еще срок?

— Какой?! — со зловещим добродушием спросил Баулин.

Глинская молчала. Сидела с обиженным видом человека, которого наградили таким негодным заместителем.

Поднялся аспирант Лозгачев, высокий, вальяжный, театрально воздел руки.

— Неужели и лопаты отправили на Магнитку? Студенты пальцами ковыряли мерзлую землю? Вот сидит комсорг группы, пусть скажет, как они без лопат работали.

Баулин с любопытством посмотрел на Сашу. Саша встал.

— Мы без лопат не работали. Как-то раз кладовая оказалась закрытой. Потом вернулся кладовщик и выдал лопаты.

— Вы долго ждали? — не поднимая головы, спросил Криворучко.

— Минут десять.

Лозгачев, неудачно призвавший Сашу в свидетели, укоризненно покачал головой, как будто оплошность совершил не он, а Саша.

— Все обошлось? — усмехнулся Баулин.

— Обошлось, — ответил Саша.

— А сколько времени вы работали, сколько стояли?

— Материалов-то ведь не было.

— Откуда ты знаешь об этом?

— Это все знают.

— Напрасно адвокатствуешь, Панкратов, — сурово проговорил Баулин, — неуместно!

Стараясь не глядеть на Криворучко, члены бюро проголосовали за исключение его из партии. Воздержался один Янсон.

Еще больше ссутулившись, Криворучко вышел из комнаты.

— Поступило заявление доцента Азизяна, — объявил Баулин и посмотрел на Сашу, как бы спрашивая: что ты теперь скажешь, Панкратов?!

Азизян читал в Сашиной группе основы социалистического учета. Однако говорил не об учете, даже не об основах, а о тех, кто эти основы извращает. Саша сказал впрямую, что не мешало бы дать им представление о бухгалтерии как таковой. Азизян, курчавенький, лукавый пройдоха, посме-

ялся тогда. А теперь обвинял Сашу в том, что тот выступил против марксистского обоснования науки об учете.

— Было? — Баулин смотрел на Сашу холодными голубыми глазами.

— Я не говорил, что теории не надо. Я сказал, что знаний по бухгалтерии мы не получили.

— Партийность науки тебя не интересует?

— Интересует. Конкретные знания тоже.

— Между партийностью и конкретностью есть разница? Опять поднялся Лозгачев.

— Ну, товарищи... Когда открыто проповедуют аполитичность науки... И потом: Панкратов пытался навязать партийному бюро свое особое мнение о Криворучко, разыгрывал представителя широких студенческих масс. А кого вы, Панкратов, здесь представляете, собственно говоря?

Янсон сидел мрачный, барабанил толстыми пальцами по туго набитому портфелю.

— Не надо накручивать, товарищи!

Глинская повернулась к Баулину.

— Может, передадим в комсомольскую организацию...

В ее голосе звучала сановная усталость: мелок вопрос, незначительна фигура студента. Лозгачев взглянул на Баулина, ему казалось, что тот должен быть недоволен предложением Глинской.

— Партийное бюро не должно уклоняться...

Это неосторожное слово все решило.

— Никто не уклоняется, — нахмурился Баулин, — но есть порядок. Пусть комсомол обсудит. Посмотрим, какова его политическая зрелость.

На вешалке висело коричневое кожаное пальто... Дядя Марк!

— Погуливаешь?..

Саша поцеловал Марка в гладко выбритую щеку. Пахло от Марка хорошим трубочным табаком, мягким одеколоном, «уютный холостяцкий дух», как говорила мама. Марк выглядел старше своих тридцати пяти лет — полный, ве-

селый, лысеющий дядька. И только острые глаза за желтоватыми стеклами очков выдавали железную волю этого человека, одного из командармов промышленности, почти легендарного, как легендарна его гигантская стройка на Востоке — новая металлургическая база Советского Союза, недоступная авиации врага, стратегический тыл пролетарской державы.

— Думал, не дождусь тебя, заночевал, думаю...

— Саша всегда ночует дома, — сказала мама.

На столе портвейн, розовая любительская колбаса, шпроты, «турецкие хлебцы» — лакомства, которые всегда привозил Марк. Тут же и традиционный мамин пирог, который она пекла в «чуде». Видно, Марк успел предупредить о своем приходе.

— Надолго приехал? — спросил Саша.

— Сегодня приехал, завтра уезжаю.

— Его Сталин вызвал, — сказала мама.

Она гордилась братом, гордилась сыном, больше ей нечем было гордиться — одинокая женщина, брошенная мужем, маленькая, полная, с еще красивым белым лицом и густыми вьющимися седыми волосами.

Марк протянул руку к лежащему на диване свертку.

— Разверни.

Софья Александровна попыталась распутать узел.

— Дай-ка!

Саша ножом разрезал шпагат. Сестре Марк привез отрез на пальто и пуховый платок. Саше — костюм из темно-синего бостона. Немного примятый пиджак сидел отлично.

— Как влитой, — одобрила Софья Александровна, — спасибо, Марк, ему совсем не в чем ходить.

Саша с удовольствием разглядывал себя в зеркале. Марк всегда дарит именно то, что надо. В детстве он повел его к сапожнику, и тот сшил Саше высокие хромовые сапоги, таких ни у кого не было, ни во дворе, ни в школе, тогда он очень гордился сапогами и до сих пор помнил их запах, помнил и острый запах кожи и дегтя в каморке сапожника.

Несколько раз в этот вечер Марка вызывали к телефону. Низким, властным голосом он отдавал приказания о фондах, лимитах, эшелонах, предупредил, что заночует на Арбате, и велел прислать машину к восьми утра. Вернувшись в комнату, Марк покосился на бутылку.

— Ого!

— Пей, товарищ, покуда пьется, горе жизни заливай, — запел Саша любимую песню Марка. От него и услышал ее давно, мальчишкой еще.

— Тише, о тише, все заботы прочь в эту ночь, — подтянул Марк, — так?

— Именно! — Саша запел снова:

Завтра, может, в эту пору
Здесь появится Чека,
И, быть может, в ту же пору
Расстреляем Колчака...

Голос и слух он унаследовал от матери, когда-то ее приглашали петь на радио, но отец не пустил.

Завтра, может, в эту пору
К нам товарищи придут,
А быть может, в ту же пору
На расстрел нас поведут.

— Хорошая песня, — сказал Марк.

— Только поете вы ее плохо, — заметила Софья Александровна, — как хор слепцов.

— Дуэт слепцов, — рассмеялся Марк.

Ему постелили на диване, Саша лег на парусиновой дачке.

Марк снял пиджак, подтяжки, сорочку и, оставшись в нижней рубашке, обшитой по вороту и на рукавах узорной голубой тесьмой, отправился в ванную.

Ожидая его, Саша лежал, закинув руки за голову...

После заседания, сбегая по лестнице, Янсон похлопал его по плечу. Этот единственный добрый и ободряющий

жест только подчеркнул пустоту, которую ощутил Саша. Другие делали вид, что торопятся, кто домой, кто в столовую. По дороге к трамвайной остановке, на грязной мостовой развороченного пригорода, его обогнала черная легковая машина. Глинская сидела впереди, повернув голову, что-то говорила сидевшим сзади. И то, как они разговаривали и промчались мимо, не заметив и не думая о нем, опять вызвало ощущение пустоты, несправедливой отверженности.

Глинскую Саша знал еще по школе, видел на заседаниях родительского комитета, ее сын Ян учился с ним в одном классе — мрачный, неразговорчивый малый, интересовавшийся только альпинизмом. Она была женой работника Коминтерна, польский акцент придавал ее категоричным высказываниям оттенок неестественности. И все же казалось, что Глинская не смолчит на бюро, за общежития она отвечает не меньше Криворучко. А она промолчала.

Вернулся Марк, умытый, свежий, вынул из саквояжа одеколон, протерся, лег на диван, поворочался, устраиваясь поудобнее, снял очки и близоруко искал, куда их положить.

Некоторое время они лежали молча, потом Саша спросил:

— Зачем тебя Сталин вызывал?

— Меня вызывал не Сталин, а вызвали, чтобы передать его указание.

— Говорят, он небольшого роста.

— Как и мы с тобой.

— А на трибуне кажется высоким.

— Да.

— Когда было его пятидесятилетие, — сказал Саша, — мне не понравился его ответ на приветствия, что-то вроде того, что «партия меня родила по образу своему и подобию»...

— Смысл тот, что поздравления относятся к партии, а не к нему лично.

- Правда, Ленин писал, что Сталин груб и нелоялен?
- Откуда ты знаешь?
- Какая разница... Знаю. Писал ведь?!
- Это качества сугубо личные, — сказал Марк, — они не главное. Главное — политическая линия.
- Разве это можно разделить? — возразил Саша, вспомнив в эту минуту Баулина и Лозгачева.
- Ты в этом сомневаешься?
- Как-то не думал. Я ведь тоже за Сталина. Но хотелось бы поменьше славословий — режут ухо.
- Непонятное еще не есть неправильное, — ответил Марк, — верь в партию, в ее мудрость. Начинается строгое время.
- Саша усмехнулся.
- Сегодня на своей шкуре испытал.
- Он рассказал про заседание партбюро.
- Бухгалтерия?! Тот ли это принципиальный вопрос, по которому...
- Ну, знаешь! Принципиального вопроса можно ждать всю жизнь...
- Пререкаться в аудитории бестактно.
- Меня обвиняют не в бестактности, а в аполитичности. И требуют, чтобы я это признал, понимаешь?
- Если ошибся, можно и признать.
- Ну уж этого они не дождутся. В чем признаваться? Липа!
- У вас директор по-прежнему Глинская?
- Да.
- Она была на бюро?
- Была.

2

Марк Александрович велел шоферу ехать вперед, а сам пошел пешком.

Прозрачное осеннее утро, ровный бодрящий холодок. Торопились на работу служащие, шумная очередь женщин

стояла у булочной, молчаливая очередь мужчин у табачного ларька.

Марк Александрович всегда выделял Соню среди других своих сестер, любил и жалел ее, особенно беспомощную сейчас, когда от нее ушел муж. И Сашу любил. За что придрались к мальчику? Ведь он честно сказал, а ему ломают душу, требуют раскаяния в том, чего не совершал. И он тоже уговаривал Сашу покаяться.

Марк Александрович пересек Арбатскую площадь и пошел по Воздвиженке, неожиданно тихой и пустой после оживленного Арбата. Только большая толпа ожидала открытия магазина Военторга и другая, поменьше, жалась возле приемной Калинина. Марк Александрович сел в поджидавшую его машину и поехал на площадь Ногина, где в бывшем Деловом дворе в громадном сером пятиэтажном здании с длинными коридорами и бесчисленными комнатами помещался Народный комиссариат тяжелой промышленности.

Тысячи людей прибывали в этот дом со всех концов страны, здесь все решалось, планировалось, утверждалось. Как всегда, обход Наркомата Марк Александрович начал не с начальников главков, а с отделов и секторов. И то, что Рязанов, руководитель величайшего в мире строительства, любимец Орджоникидзе, пришел прежде всего к рядовым работникам, было этим работникам приятно: считается с ними, понимает их силу, силу аппарата. И они с охотой занимались его делами, решали их так, как того требовали интересы завода — красы и гордости пятилетки, то есть так, как того хотел Марк Александрович.

Обойдя отделы, он поднялся на второй этаж, прошел несколькими коридорами, опять поднялся по лестнице, спустился по другой и очутился в тихом, малолюдном крыле здания, где находились кабинеты наркома и его заместителей. В приемной, устланной коврами, за столами с телефонами сидели секретарши. Они знали Рязанова, и он без доклада вошел к Будягину.